

Панченко Константин Александрович

*доктор исторических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Адрес: ул. Моховая, 11, стр. 1, Москва, 125009, Российская Федерация

E-mail: const969@gmail.com

Опыт полевой этнографии христианского Востока (Баламанд, декабрь 2016)

Публикуемый материал представляет собой путевой очерк о посещении Баламанда (Ливан) в декабре 2016 г. В центре внимания находятся Богословский факультет Баламандского университета, крупнейшее учебное заведение православных арабов, сам Баламандский монастырь, а также существующее при нем хранилище рукописей. Затрагиваются сюжеты положения православного населения Северного Ливана и перспективы сохранения христианства в регионе.

Ключевые слова: Ливан, Баламандский монастырь, православный Восток, христианский Восток, этнография.

I. Богословский институт св. Иоанна Дамаскина

Должен признаться, я несколько напрягался, собираясь в Ливан. Живем ведь, что называется, «в минуты роковые», а уж Ближний Восток – тем более. Удивительным контрастом с моими опасениями стала расслабленная атмосфера ливанской жизни. Как будто от Баламанда до сирийской границы не 25 километров. Как будто Тартус, где сейчас стоит российская эскадра, не видно из Баламанда в хорошую погоду. (Один из моих спутников в шутку спросил декана Баламандской семинарии: «Не доносятся ли до вас из Тартуса православные молитвословия?» Декан ответил, что между Тартусом и Баламандом лежит Триполи, а оттуда не доносится ничего, кроме азана – призыва к мусульманской молитве.) Балкон моей комнаты выходил как раз в сторону моря и Триполи, длинного мыса, окантованного пеной прибоя. По утрам, если не было дождя и ветра, я вытаскивал кресло на балкон и сидел там с чашкой дымящегося кофе, размышляя, что моя научная специализация связана все-таки не с самым плохим местом земного шара.

Объясню вкратце, как меня забросило в Баламанд. Издательство Джорданвилльской семинарии РПЦЗ выпустило английский перевод моей монографии о ближневосточном православии (*Панченко, 2012*). Глава издательства Николас Чапман пригласил меня в Баламанд на презентацию книги. Богословский институт св. Иоанна Дамаскина в Баламанде – это, наверное, ведущий духовный и образовательный центр православных арабов. Институт числится одним из факультетов Баламандского университета. Сам университет с шестью тысячами студентов – заведение абсолютно светское. Там не спрашивают о вероисповедании учащихся и догадываются об их происхождении только по именам: если тебя зовут Мухаммад или Джурджис (Георгий), это выдает с головой. Мусульмане составляют примерно половину студентов. Руководство университета видит своей задачей ненавязчиво нести им свидетельство христианской веры через соприкосновение с Баламандским монастырем, его богослужениями, колокольным звоном, паломническим потоком.

Они действительно соседствуют на одном клочке пространства. Гора (300 метров над уровнем моря), обдуваемая всеми ветрами. На плато раскинулись университетские корпуса, на самом его краю над морем стоит монастырь, ниже по склону горы среди апельсиновых рощ построено хранилище рукописей, еще дальше под ним – богословский институт-семинария, башня с пристройками. В этом корпусе разместились учебные классы, актовый зал, трапезная, этажом ниже – часовня, несколько этажей вверх – студенческое общежитие. В одном из классов наткнулся на большую пластмассовую куклу-младенца: мне объяснили, что это учебное пособие для пояснения, как проводить обряд крещения. У самого подножия горы лежит богомольная мусульманская деревня Каламун. Недавно там построили мечеть, и крик муэдзина иногда слышен в семинарии во время занятий по догматическому богословию.

В институте 80 студентов всех ступеней обучения, вплоть до PhD. Не только ливанцы, но и выходцы из Сирии, Иордании, Турции (конкретно – Искандеруна, где еще остались православные арабы) и всех стран арабской диаспоры, особенно Южной Америки. Преподавание идет на арабском, из древних языков учат греческий и древнееврейский, сирийского не изучают. Семинаристы ходят, как правило, в черных подрясниках, отпускают бороды, кто-то уже носит сан диакона. Встречаются очень колоритные

ассирийские типажи, но многие склонны к полноте, несмотря на молодые годы. В студенческих комнатах не был, видел только иконки и кресты из пальмовых ветвей, прикрепленные к дверям. При одном из прежних деканов вышел приказ снять с дверей все картинки, но самый упрямый из студентов вывесил на дверь портрет правящего архиерея, и его не тронули.

Декан института – отец Порфириус Георги (Джурджи), специалист по догматическому богословию. Он семейный, его сан соответствует, наверное, нашему протопресвитеру, но неформальный авторитет этого человека в иерархии Антиохийской церкви очень высок. Когда Иерусалимский патриархат учредил епархию в Катаре, который Антиохия числит в своей юрисдикции, именно о. Порфириус был направлен в Константинополь с предложением к вселенскому патриарху выступить посредником в споре двух церквей. Но Фанар упустил шанс сыграть вожделенную роль верховного арбитра православного мира. Перевесила фанариотская солидарность и вовлеченность в американские геополитические игры – именно так православные арабы восприняли создание Катарской епархии. Как символическое унижение Антиохийской церкви со стороны тех стран, которые более прочих инвестировали в пожар сирийской войны.

Распорядок жизни в институте построен с элементами армейской или монашеской дисциплины. Регулярные богослужения в институтском храме, студенты поочередно поют в хоре. Два десятка могучих мужских голосов под раскаты грома и вспышки молний над морем – в этом что-то есть. В день нашего приезда закончилась долгая засуха, и на побережье впервые в этом году обрушились шквальные ливни с грозами. Я только теперь понял, что такое зимние дожди Средиземноморья.

На трапезу студенты идут по звонку. Декан шутит: «Я обкатываю теорию Павлова об условных рефлексах». Выстроившись вдоль длинных столов, читают молитву: кто-то по-арабски, потом о. Порфириус по-гречески. Заканчивают трапезу тоже по сигналу: декан стучит ножиком по бокалу, все встают, с грохотом задвигают стулья, и опять читается молитва. Наряд по кухне убирает посуду. Это были постные дни, так что можно было оценить особенности арабо-христианской кухни. Баклажанчики, фаршированные перцами и чем-то еще. Хумус, поливаемый оливковым маслом. Какое-то месиво из гороха или бобов. Какое-то крошево из овощей. Зерна заатара сыпят в лужицу оливкового масла и макают в него хлеб. Или сразу эта смесь делается на плоской лепешке, которую потом сворачивают в трубочку. Из явно нетрадиционного питания – жареная картошка с шампиньонами. Конечно, помидоры, огурцы, бананы, яблоки. Как раз поспел урожай апельсинов. Пьют за обедом только воду. Потом именитые люди идут в комнату приемов, рассаживаются в креслах вдоль стен и смакуют ядрёный арабский кофе из маленьких чашечек. Вечером первого дня о. Порфириус сказал нам, своим гостям: «Мне кажется, что я пытал вас завтраком и обедом». И повез куда-то вниз, в итальянский ресторан с морепродуктами. Впрочем, в семинарии тоже подают рыбу, кроме среды и пятницы. Да, еще стоит упомянуть коливо – пшеничные зерна, посыпанные кокосовой стружкой. Сладко, но челюсти устают. На воскресной трапезе в день памяти св. Иоанна Дамаскина присутствовал патриарх, и ему подали огромное блюдо колива, где разноцветными зернами был выложен очень натуральный портрет этого святого. Патриарх откромсал ложкой осьмушку произведения искусства, разложил по тарелкам, оделив сидящих за столом. Затем блюдо передали на соседние столы на окончательное съедение.

II. Баламандский монастырь

Я не ставлю своей задачей детально описывать историю и топографию Баламандского монастыря. Могу отослать желающих к соответствующей статье в «Православной энциклопедии». Если кратко, то монастырь возник при крестоносцах как цистерианское аббатство, после падения Триполийского графства был покинут и возрожден уже православными в самом начале XVII в. От Средних веков там остались две базилики – церковь и зал собраний братии. Теперь он тоже обращен в церковь, правда, ориентация его не строго на восток. Стены базилики украшены иконами письма алеппской школы XVII–XVIII вв. Часть их была повреждена или похищена в годы недавней гражданской войны.

В османскую эпоху возрожденный монастырь оброс пристройками, корпусами и галереями. Они группируются вокруг квадратного внутреннего двора. Во дворе недавно было открыто парное захоронение крестоносца с женщиной (стало быть, не цистерианец). Мужской скелет оставили в могильной яме, накрыв сверху стеклом. Он был целым еще пару лет назад, но от контакта с воздухом стал постепенно рассыпаться. Впрочем, еще и сейчас хорошо видны челюсти с крепкими зубами – их хозяин умер явно не от старости.

Впечатляют монашеские кельи на втором этаже галереи, опоясывающей двор. Их дверцы – высотой в полметра. Даже с поправкой на то, что люди XVII века были помельче нас, им приходилось сгибаться в три погибели, чтобы войти. А внутренность кельи напоминает вокзальную камеру хранения – мрачное прямоугольное пространство под низким потолком, с крохотным окошком в противоположной стене, без отопления, конечно.

На начало декабря по новому стилю приходится день памяти св. Иоанна Дамаскина, чье имя носит богословский институт. К этому был приурочен визит в Баламанд Антиохийского патриарха Иоанна X. Его многое связывает с Баламандом, в прошлом он был деканом богословского института. Сам патриарх – уроженец сирийской Латакии, но его мать – ливанка. Один из братьев патриарха ныне носит сан митрополита всея Аргентины, другой его брат занимал кафедру митрополита Алеппо и, как известно, в 2013 г. был похищен боевиками-исламистами и пропал без вести. Патриарх молится за него на каждом богослужении, хотя шансов на то, что он остался в живых, почти нет.

Мне довелось присутствовать на нескольких патриарших службах в древних стенах баламандской базилики. Что интересно, *Сайидна*, как называют патриарха, «Господин наш», много пел во время богослужения. Нам объяснили, что в прошлом он преподавал в Баламанде литургику и написал исследование по византийской музыке. Голос, впрочем, у первосвященника не очень хорош, да и лет ему уже немало.

Вместе с Николасом в Баламанд приехал менеджер его издательства диакон Петр, потомок русских эмигрантов. Его пригласили к участию в службе, и он читал молитву на церковнославянском, а хор семинаристов вторил ему греческими песнопениями. Потом Петр произносил молитву по-английски, а арабский диакон из Гватемалы – по-испански. После службы Петр признавался, что ему было сложно ориентироваться в алтаре и понимать, что надо делать, всё там не как у нас.

В один из дней после вечерни нас пригласили на прием к патриарху. Помимо Его Святейшества там было баламандское священноначалие, мы

трое и отец Филип, священник Антиохийской церкви из Линкольншира в Северной Англии. Породистый англосакс, резко выделявшийся среди арабского духовенства, с огромной седой бородой, в черной рясе и греческой камилавке, он смотрелся очень колоритно. Общение, впрочем, было чисто протокольным: улыбки, поклоны, дежурные фразы. Николас рассказывал, как распространяется тираж моей монографии. Ее английское название – Arab Orthodox Christians under the Ottomans. Патриарх шуточно поинтересовался, что это за деноминация Arab Orthodox, она не совпадает с официальным наименованием паствы Антиохийской церкви. Николас, конечно, дал английской версии книги это название, исходя из коммерческих соображений – привлечь внимание арабо-христианской аудитории.

Патриарх долго расспрашивал о. Филипа о том, как идет миссия в Великобритании. Священник перебирал имена пресвитеров – этот служит, тот плох здоровьем, – похвалился, что открыт новый приход на одном из островов по ту сторону Шотландии, посреди океана. Как бы не самый северный рубеж распространения Антиохийской православной церкви. Я потом спросил о. Филипа, действительно ли патриарх помнит все приходы Соединенного Королевства, и тот подтвердил, что у *Сайидны* поразительно цепкая память, он не упускает ни имен, ни деталей. Тем более сам не раз бывал в Англии и лично общался со своей паствой.

Патриарх, кстати, говорил по-английски, но несколько замедленно, все понимал, конечно, но периодически сбивался на арабский, обращаясь к сидевшему рядом о. Порфирию. В неофициальной обстановке, как мне говорили, он куда более раскован и склонен пошутить. Я это отчасти заметил на воскресной трапезе, той самой, где Иоанн раскромсал коливокартинку. На иностранных гостей он уже не обращал внимания и оживленно беседовал с руководством Баламандского университета, насколько я понял, о проблемах преподавания. За столом была одна женщина, жена вице-президента университета, и она трещала больше всех остальных, собственно, беседа была дуэтом ее и патриарха.

Вообще, ближневосточные иерархи куда более демократичны и открыты к общению с прихожанами, чем это принято у нас. После службы, например, богомольцы толпой валили в патриарший зал приемов. У телохранителей, наверное, был тяжелый шок, но они никому не препятствовали и оставались снаружи комнаты. Иоанн Х сидел в огромном кресле, к нему по очереди подходили под благословение, подводили детей, несли младенцев, шумно общались с ним и друг с другом.

III. Баламандские рукописи

Для меня одним из главных стимулов этой поездки был шанс получить доступ к собранию рукописей, хранящемуся в Баламанде. Наверное, из всех сиро-ливанских собраний православных манускриптов эта вторая по размерам коллекция после той, что находится в патриархии в Дамаске. Впрочем, я где-то слышал, что дамасские рукописи давно уже перепрятали в Баламанд ввиду всем известной обстановки вокруг сирийской столицы.

Хранилищем рукописей заведует о. Харит (Арефа), веселый, дородный и жизнерадостный батюшка. Его лаборатории оборудованы по последнему слову техники, позволяющей не только сканировать, но и реставрировать ветхие книги. Сотрудники хранилища даже изготавливают собственную

бумагу по старинным технологиям, они могут варьировать оттенки цвета и плотность листов, подгоняя их под особенности бумаги рукописей, подлежащих восстановлению. Для меня осталось загадкой, как у реставраторов получается наклеивать на бумажную основу разрозненные клочки документа, который исписан текстом с обеих сторон.

О. Харит, натянув тонкие резиновые перчатки, показывал нам некоторые из своих сокровищ. Длинной гармошкой развернул книжицу-оберг с текстами молитв предположительно начала XIX в. Разложил на столе чехольчики для листочков с молитвами-талисманами – формы бытового православия, с которыми безуспешно боролось священноначалие. Рядом лежала ветхая книга – первое православное арабское Евангелие, изданное в самом начале XVIII в. в монастыре Снягов под Бухарестом Антимом Ивириану, валашским печатником грузинского происхождения (а потом – митрополитом и священномучеником). Есть у них и алеппское Евангелие 1706 г., из тех, что издавал в Халебе инициатор арабского книгопечатания патриарх Афанасий III Даббас. Книга сильно истрепана, первые страницы отреставрированы. У нас в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) тоже хранится алеппское Евангелие 1708 г., но оно как новенькое, его явно не использовали по назначению.

Самая знаменитая из баламандских рукописей – «Повесть о Варлааме и Иоасафе», манускрипт XIII в. с миниатюрами. Первые страницы были столь повреждены, что их переписали заново в XVII в. и переплели вместе с остальной книгой. Можно видеть на одном развороте рукописи почерк двух писцов, разделенных четырьмя столетиями.

Среди прочих книг выделяется огромный Номоканон – свод законоположений Антиохийской церкви, составленный для официального утверждения в середине XIX в., когда османские власти пересматривали юридический статус своих иноверных подданных. Парадная рукопись с многоцветными заставками, созданная под явным влиянием арабо-мусульманской каллиграфии. Я сталкивался с мнением, что арабо-христианские каллиграфы и иконописцы сознательно уклонялись от подражания мусульманскому книжно-декоративному искусству, которое ассоциировалось у них с чужой религией. Как видно, не всегда уклонялись, а иногда творчески перерабатывали.

Что касается самих рукописей и условий работы с ними, то меня пустили в книгохранилище без проблем. Сами рукописи на руки не выдают, потому что все давно оцифровано и занесено в компьютерные базы данных. На огромном экране открывают нужный файл, и дальше можно, щелкая мышью, «листать» рукопись, увеличивать изображение, поворачивать страницу и т.д. Видно, насколько некоторые книги изъедены червем и обветшали – думаю, у нас бы их просто не выдали на руки исследователям из-за плохого состояния. Нужные страницы мне потом скопировали на флешку, опять же не взяв никаких денег.

Признаться, я был поражен техническим уровнем арабского архивного дела. Они обогнали нас на десятилетия. Как вспомнишь зал микрофильмов в РГАДА, чудовищные жестяные фильмоскопы 50-х годов прошлого века, у половины которых перегорели лампы, и читателям надо долго ждать своей очереди, чтобы потом крутить подслеповатые кадры пленки на раскаляющемся аппарате. Я спросил о. Харита, откуда взялись деньги на всю эту модернизацию. Он сказал, что изначально их дали американцы на условии, что в один из американских университетов передадут копии

всех отсканированных книг. Потом уже средства изыскивали на месте, в Ливане.

В результате сейчас в Баламанде доступны цифровые копии всех арабских православных рукописей, хранящихся в монастырях и епархиях Антиохийского патриархата. Включая уже утраченные рукописи Маалюли, разграбленные исламистами зимой 2014 г. Периодически на черном рынке всплывают поддельные манускрипты, якобы из Маалюли, и ливанские спецслужбы консультируются с о. Харитом на предмет подлинности этих артефактов.

Похваляюсь некоторыми из своих находок.

Рукопись № 15 из монастыря Мар Юханна Дума, сборник проповедей, в начале XVI в. принадлежавший триполийскому шейху 'Исе, владельцу знаменитых манускриптов, ныне хранящихся в петербургском Институте восточных рукописей РАН: Библии Пимена Дамасского и Четвероевангелия (Крачковский, С. 472–477). В отличие от этих двух парадных книг сборник проповедей выполнен не столь умелой рукой (точнее, двумя руками: часть листов написана более мелким и четким почерком). Мне посчастливилось открыть запись сентября 1534 г. епископа Кары Макария, который пропустили составители каталога рукописей упомянутого монастыря. Сравнивая почерк писца, написавшего большую часть манускрипта, и руку Макария, становится ясно, что они идентичны. Макарий славился как книгописец, но рукопись из Мар Юханна Дума никогда не числилась среди его автографов. Конечно, большинству читателей ничего не говорит имя епископа Кары Макария ибн Хиляля, но мне он дорог. Это был очень яркий и амбициозный человек, в какой-то момент ставший епископом восьми престолов, а потом – антипатриархом, семь лет оспаривавшим власть у Антиохийского патриарха Иоакима ибн Джумы (Панченко, 2016. С. 533–534). Макарий Хиляль был близок к триполийскому шейху 'Исе, епископ расписался и в упомянутой Библии Пимена Дамасского, принадлежавшей шейху. А в колофоне рукописи из Мар Юханна Дума содержится старейшее упоминание о шейхе 'Исе. До того самые ранние известные упоминания об этом православном триполийском магнате относились к 1537 г. Причем Макарий в своем колофоне перечисляет весь «выводок» сыновей 'Исы: «Юсуф, Муса, Насралла, Юханна и сестры их»; ранее мы знали только старшего из сыновей. Заметим, кстати, высокую рождаемость в кругах христианской элиты – посильный вклад в «средиземноморский демографический взрыв XVI в.», многократно описанный в науке. Личность шейха 'Исы и круг его связей в среде арабской и греческой церковной иерархии Ближнего Востока достойны отдельного изучения (Панченко, 2017).

Многие годы я занимался изысканиями по теме Мелькитского проторенессанса, культурного подъема православных арабов конца XVI в. после столетий упадка и анабиоза (Панченко, 2013). Первым толчком к этим исследованиям послужила найденная много лет назад информация в одном из каталогов о рукописи № 14 из собрания монастыря Хаматура (Панченко, 2011). Она содержит арабский перевод греческого Типикона, выполненный в начале 1590-х гг. вифлеемским митрополитом Иоакимом, тоже ярким церковным деятелем, добивавшимся в свое время иерусалимского патриаршества и ездившим за милостью в Москву ко двору Ивана Грозного. Эта рукопись была частью грандиозного проекта Иоакима по исправлению переводов богослужебной литературы, то есть унификации литургических традиций православных народов. Наконец-то я получил возможность воочию

увидеть эту книгу (пусть её скан). И, признаться, она меня впечатлила. По меркам эпохи это был шедевр арабо-христианской каллиграфии: помпезные заставки, обильное использование красных чернил. Мне кажется, сквозь строки рукописи можно разглядеть психологию Иоакима Вифлеемского. Это был человек эмоциональный и пафосный, любитель кричащих красок и визуальных эффектов, вплоть до потери чувства меры. И еще складывается впечатление, что для Иоакима эта книга была вершиной его жизненного пути, всех устремлений и проектов. Он полностью «выложился» на этих листах.

IV. Православные арабы Северного Ливана

Баламанд лежит на краю плато Кура, единственного в Ливане региона со сплошным православным населением. Это междуречье рек Кадиша и Нахр аль-Джаузкюго-востоку от Триполи. Довольно живописная холмистая страна, деревни и сады в долинах, зеленка кустарников по холмам с проплешинами пожаров из-за долгой засухи. Южнее начинается маронитский ареал, это чувствуется, там сразу бросаются в глаза придорожные статуэтки Девы Марии или св. Шарбеля, киоты, ковчегцы в католическом стиле.

Секретарь богословского института о. Бассам возил нас в свою приходскую церковь в деревне Кафтун. Показывал в иконостасе четыре раритетные иконы 1860-х гг. изографа Ханны аль-Кудси, наивный лубочный примитивизм. Стены расписаны свежими фресками, которыми о. Бассам очень гордится. Их выполнил украинский мастер – я заметил, украинские художники весьма востребованы в ливанских храмах, потому что готовы работать задешево, это получается намного выгоднее, чем нанимать местных иконописцев.

Читая в Баламанде лекцию о Мелькитском проторенессансе, я коснулся темы активизации монашеского движения в арабо-православной среде конца XVI в. Настоятель монастыря Кафтун Макарий ад-Дарани попытался возродить в своей обители традиции ранневизантийского монашества. Но ливанские монахи раннего Нового времени уже не способны были к такой строгой аскезе. Они возненавидели своего сурового игумена и решили избавиться от него, причем весьма нетривиальным способом. В монастырской церкви был склеп с костями почивших иноков. Священники поочередно читали молитвы над усопшими. Когда однажды в склеп спустился Макарий, затеплил свечку и собрался читать, из гроба с диким воплем встал покойник в белом саване – переодетый накануне монах. Игумен рухнул наземь с инфарктом и несколько месяцев не мог оправиться от потрясения. Однако он выжил и сказал монахам: «Жизнь и смерть человеческая – в руке Божьей. А что до меня – я больше с вами не останусь». Макарий ушел из монастыря и потом стал первым настоятелем Баламанда¹. По ходу рассказа баламандская публика очень оживилась, а потом о. Бассам отвез нас в тот самый монастырь Кафтун.

Это красивейший из виденных мной ливанских монастырей после Хаматуры. Если Хаматура висит на крутом склоне над ущельем, то Кафтун расположен на самом дне расселины, рядом с мутным потоком Нахр аль-

¹ История эта приводится в трактате известного патриарха XVII в. Макария об антиохийских епархиях и их архиереях. См. русский перевод: Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании Патриарха Макария III аз-За'има (1665 г.). Предисловие, перевод и комментарии: Панченко К.А. // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2 (25–26). С. 116–157.

Джауз. Одна из монастырских церквей просто врезана в скалу, используя естественные полости и пещеры.

Там хранится едва ли не древнейшая в сиро-палестинском регионе икона, написанная на двух сторонах доски (работа XI и XIII вв.). Похищенная в годы гражданской войны, она была потом возвращена митрополиту Гор Ливанских тем человеком, который её присвоил. Богородица являлась ему в ночных кошмарах и требовала вернуть икону в монастырь.

Монастырь сейчас женский, восемь монахинь, еще две недавно умерли. Молятся, чтобы Бог послал им новых насельниц.

Чуть ниже скальной церкви, на дне ущелья, стоит та самая церковь свв. Сергия и Вакха, где во время недавней реставрации был открыт склеп с костями. Сейчас его снова замуровали.

Если Кафтун спрятался в глубине каньона, то монастырь Нурие стоит на крутом обрыве над самым морем. Это центр культа Богоматери, покровительницы моряков. Морякам в такой день, действительно, можно было посочувствовать: ураганный ветер на кромке утеса просто валил с ног, а внизу бесновалось пенное море.

В Северном Ливане сохранилось довольно много церквей эпохи крестоносцев. Часть их после падения Триполийского графства забрали себе православные, как собор в Энфе, начала XII в., на побережье к югу от Триполи. Рядом стоит двухапсидная церковь св. Симеона Столпника и Архангела Михаила. В этом регионе нетипично много «сдвоенных» церквей – с двумя нефами или с одним нефом, но двумя или даже тремя апсидами. Одно из объяснений такой планировки исходит из того, что церкви могли использоваться двумя разными общинами (у каждой свой алтарь). Это подтверждают средневековые росписи в некоторых церквях (даже с одним алтарем), где соседствуют изображения апостолов, благословляющих зрителя и на латинский, и на греческий манер.

Фрески сиро-ливанских церквей эпохи крестоносцев всё больше привлекают внимание искусствоведов. Росписи в целом следуют канонам византийского искусства (впрочем, в тогдашней Италии писали в том же стиле), но с вкраплениями «франкских» и ближневосточных элементов, как рыцарские штандарты или тюркский дизайн конской сбруи у Георгия Победоносца и других святых всадников.

Нам довелось побывать в одной из таких церквей в деревне Рашкида. Деревня сейчас шиитская, а кому принадлежала церковь в Средние века – неясно. Надписи на фресках греческие, найдена также одна арабская. Интересная планировка: базилика, колоннады, алтарь, но за ним еще одно пространство с двумя апсидами. В церкви работала команда русских реставраторов, они нам всё охотно показали. В прежние свои сезоны в Ливане они восстанавливали остатки фресок в церкви Мар Саба селения Эдде. Это была уже явно маронитская церковь, надписи на фресках были выполнены на сирийском (новоарамейском), остающимся у маронитов языком богослужения. Хотя, строго говоря, и православные в Северном Ливане писали по-сирийски века до XVI.

Насколько комфортно нынешнее положение ливанских православных? Что бы ни говорилось о традициях межконфессиональной терпимости в Ливане, но отчуждение между общинами сохраняется. По крайней мере, это чувствуется рядом с Триполи, консервативным суннитским городом, одним из самых ярко этнографичных на арабском Востоке. В один из дней нас привезли туда, в лабиринт грязных улочек исторического центра, где

разъезжают на мотороллерах мордатые ваххабиты с бородами и *забибой* на лбу – незаживающей гематомой от постоянных поклонов. Наш гид предложил выйти прогуляться, и британский священник о. Филип заметно напрягся: «А это безопасно?» Его отец работал в структурах ООН, изучал быт кочевников, и Филип провел свое «счастливое» детство в Кении, Йемене и Афганистане. Глядя на Триполи, он сказал: «Это напоминает мне Афганистан».

Станным образом о. Порфириус говорил то же самое: «Признаться по-честному, не люблю Триполи. Он как Афганистан». В городе осталось несколько тысяч христиан, по большей части православных, из общей массы 600 тысяч жителей (до сирийской войны было 400 тысяч). Многие христиане уезжают оттуда, перебираясь вглубь Куры, поближе к единоверцам.

Серьезнейшей проблемой для ливанских христиан стала эмиграция. Их скудная земля не может прокормить такую массу людей, и уже с конца XIX в. начался исход ливанцев в Египет, Европу, обе Америки. Гражданская война прошлого века подстегнула эти процессы, и сейчас за пределами страны живет намного больше ливанцев, чем осталось на родине. Аспирант Баламандской семинарии рассказывал нам про свою семью: один брат в Бостоне, другой – в Катаре, там же сестра с родителями, другая сестра – в Саудовской Аравии. «Если я уеду – наш дом опустеет», – подвел он итог. И такие истории я слышал на каждом шагу. По дороге в Кафтун мы проезжали крохотную деревеньку Бтаабур – вся округа знала, что отсюда происходит тогдашний президент Бразилии Мишель Темер. Там даже есть улочка, обсаженная тюльпанами и названная в его честь.

Православных в Баламанде волнуют проблемы самоидентификации. Моя лекция про Мелькитский проторенессанс вызвала множество вопросов о том, когда и откуда взялся термин «мелькиты», кто его употреблял и как вышло так, что «наши братья-католики присвоили себе наше древнее самоназвание». Опять же, обсуждали уместность термина Arab Orthodox, фигурировавшего в заглавии моей книги. Это действительно проблема, как называть православных арабов по-английски. «Вам же не понравится, если вас назвать Greek Orthodox? – обращался я к аудитории (о. Харит отрицательно мотал головой). – Я знаю об антигреческих чувствах арабов». О. Харит предлагал давний этноним «рум», «ромеи». Но людьми, далекими от местных реалий, он будет воспринят столь же превратно, как и «грекоправославные». Уже были примеры, как «румов» в научной литературе путали с «румынами».

Православные Антиохийской церкви чувствуют грозные тучи, собирающиеся над головой. Это ощущалось в ходе наших дискуссий после лекций. Они задавали вопросы, ответить на которые было едва ли в моей компетенции. «Мы сейчас в кризисной ситуации. Что нас ждет? Каково будущее ближневосточного православия?», «Почему мы оказались в сегодняшнем катастрофическом положении? Это Божья воля или мы жертвы политических обстоятельств, враждебного окружения, заговора темных сил?» Что я мог им сказать? Мог только посоветовать: не надо смаковать свой образ жертвы. Это деструктивная для национального сознания установка. Хотя психологически комфортная, позволяющая уйти от анализа своих проблем и назначить виноватым в них кого-то другого. Но народы, считающие себя вечной жертвой, едва ли смогут чего-то добиться в этой жизни. Надо ощущать себя хозяином своей судьбы, надо творить её своими руками, и тогда, быть может, история христианского Востока еще получит своё продолжение.

Декабрь 2016.

Литература

Крачковский И.Ю. Оригинал Ватиканской рукописи арабского перевода Библии // Избранные сочинения. Т. 6. С. 472–477.

Панченко К.А. К истории Иерусалимской церкви XVI в. Несостоявшаяся арабская альтернатива греческой ксенократии, или Когда и где начался Мелькитский Ренессанс? // Православный палестинский сборник. 2011. № 107. С. 271–284.

Панченко К.А. Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М.: Индрик, 2012.

Панченко К.А. Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании Патриарха Макария III аз-За'има (1665 г.) // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2 (25–26). С. 116–157.

Панченко К.А. Мелькитский проторенессанс // Каптеревские чтения. Т. 11. М., 2013. С. 72–87.

Панченко К.А. Макарий II, патриарх Антиохийский // Православная энциклопедия. Т. 42. М., 2016. С. 533–534.

Панченко К.А. Североливанское православие на заре османской эпохи // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2017. № 4 (53). С. 55–76.

Konstantin A. Panchenko

Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Asian and African Countries, Moscow State University

Address: st. Mokhovaya, 11, 1, Moscow, 125009, Russian Federation

E-mail: const969@gmail.com

The Experience of Field Ethnography of the Christian East (Balamand, December 2016)

The published article is a travel essay about visiting Balamand (Lebanon) in December 2016. The theological faculty of the University of Balamand, the largest educational institution of Orthodox Arabs, the Balamand monastery itself, as well as the existing manuscript repository, are in the focus of attention. The subjects of the situation of the Orthodox population of Northern Lebanon and the prospects for the preservation of Christianity in the region are touched upon.

Keywords: Lebanon, Balamand monastery, Orthodox East, Christian East, ethnography.

References

Krachkovsky I.Yu. Original Vatican Manuscript of the Arabic Bible Translation. Selected Works, vol. 6, pp. 472–477.

Panchenko K.A. To the history of the Jerusalem Church of the 16th century The failed Arab alternative to the Greek xenocracy, or when and where did the Melkit Renaissance begin? Orthodox Palestinian collection, 2011, no. 107, pp. 271–284.

Panchenko K.A. Middle Eastern Orthodoxy under Ottoman rule. The first three centuries. 1516–1831. Moscow, Indrik, 2012.

Panchenko K.A. Metropolitans and dioceses of the Orthodox Antioch Church in the description of Patriarch Makarii III az-Za'im (1665). Bulletin of church history, 2012, no. 1–2 (25–26), pp. 116–157.

Panchenko K.A. Melkitsky proto-renaissance. Kapterevsky readings, 2013, vol. 11, pp. 72–87.

Panchenko K.A. Macarius II, Patriarch of Antioch. Orthodox Encyclopedia, 2016, vol. 42, pp. 533–534.

Panchenko K.A. Northern Lebanese Orthodoxy at the dawn of the Ottoman era. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 3: Philology, 2017, no. 4 (53), pp. 55–76.